

ЦИКЛ «ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА»

I. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

II. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ТАК СЕБЕ КАНИКУЛЫ

III. ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА
И ЯРКОЕ БЕЗОБРАЗИЕ

МАЛЬВИНА
ГАЙВОРОНСКАЯ

ОДАРЕННАЯ
ДЕВОЧКА

И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Москва
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
Г14

Гайворонская, Мальвина.

Г14 Одаренная девочка и прочие неприятности / Мальвина Гайворонская. — М. : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Тёмные тропы).

ISBN 978-5-17-183797-6

Еще вчера у Пандоры Добротворской было все: любящая семья, обычная человеческая школа и пусть и смутные, но более-менее вырисовывающиеся перспективы. Неприятности начались утром — с багажника «роллс-ройса», несущего ее навстречу подозрительному молодому богатырю. В комплекте шли таинственный опекун, избушка на опушке леса, верный енот-дворецкий и активно-агрессивная русалка на мотоцикле, почему-то пытающаяся девочку догнать. И пусть интернат для потомков нечисти и нежити пока лишь готовится к учебному году, среднее общее образование все равно найдет способ испортить всем жизнь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

В книге встречаются
сцены курения.
Курение вредит
вашему здоровью.

ISBN 978-5-17-183797-6

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Мальвина Гайворонская, 2026
© Кутовая Дарья (DAFNA), иллюстрации на форзац, 2026
© sapagino14, внутренние иллюстрации и обложка, 2026
© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2026

ПРОЛОГ

— Я правильно понимаю, что сейчас мы выпинываем нашего ребенка в жизнь, сами сваливаем в закат, да еще и говорим, что это для ее же блага?

— В педагогике это называется принципом невмешательства.

— То есть да?

— То есть да.

*Из протокола
семейного совета Добротворских*

Все началось утром.

Конечно, пытливый читатель сразу же бросится оспаривать эту фразу. Точно ли утром, а не поздней ночью? Именно этим, а не предыдущим? Где та точка, после которой с чистым сердцем можно сказать: все, началось? Придется делать напыщенный вид и шикать на каждого, кто задает неудобные вопросы. Прямо как в школе.

Будем честны — пытливые читатели правы, и ночь выдалась далеко не из легких. Но именно поэтому выбор и пал на утро: четкой границей оно разделило жизнь на до и после, хоть и казалось поначалу совершенно обычным, а в чем-то даже шаблонным.

К примеру, таковым его делали те самые косые лучи утреннего солнца, столь часто гостящие в прозе начинающих писателей. Дотошно и тщательно, словно моющий

тарелки перфекционист, заливали они утренний город. Скользили по паркам, слепили глаза, с недовольством огибали дома с плотными шторами и тонированными стеклами.

Зато небольшой скверик в центре Москвы в них буквально купался, а потому они засвидетельствовали, как крупный мужчина откровенно бандитской наружности уселся на скамью, заразительно потянувшись, достал из небольшого черного чемоданчика книжку сказок Андерсена и начал читать. Через двадцать минут непонимающе оглянулся, потом устался на книгу в руках. Пролистав, выбросил в урну и легким шагом, прихватив чемоданчик, вошел в небольшой офис в здании старого особняка по соседству.

Ровно через восемь минут и тридцать шесть секунд он выскочил оттуда, преследуемый большим количеством серьезных мужчин в штатском. Быстро выхватил из мусорки книгу и устремился в другой конец парка, вполне бодро перепрыгивая через скамейки под ворчливое курлыканье голубей.

Однако далеко не все любят солнце, и сквозь тонированные стекла пентхауса его лучи проникнуть не могли. Бонусом такого жилища выступал восхитительный вид на проснувшийся город и то, как его улочки медленно заполняются снующими машинами. С высоты восьмидесятого этажа они казались крошечными муравьями, спешащими по непонятным для людей делам, и парнишка азиатской наружности как замороженный смотрел на эту пляску.

Сон был ему чужд. Дело не только в том, что так говорил папа: и вправду, сколько он себя помнил, спать не хотелось. Но папа говорил, что и чувства чужды. Однако сейчас он определенно ощущал восторг, глядя на город с его стучащим в такт любимой песне ритмом.

В наушниках на все лады надрывался заморский певец, словно поставил себе целью спеть про всю-всю-всю любовь на земле. Робкая или страстная, первая или очередная — у него были готовы песни про все, только ключи. Парень уже две недели крутил один и тот же альбом, и, к собственному стыду, ему все больше нравилось.

Другие пели не так. Наверное, даже завывая японец об убийстве маленьких милых зверушек, ничего бы не изменилось. Голос, как и картинка за окном, гипнотизировал, вводил в транс, заряжал энергией. Чем больше он слушал, тем сильнее крепло чувство, что он обязательно изменит мир. Парень буквально прилип к стеклу, прижавшись носом, лишь бы видеть все, что происходит внизу, а музыка, звучащая в ушах, казалось, стучит в каждой его клетке и задает тон душе. Ну и как тут убедить самого себя, что ты бесчувственный?

Взрослые на ерунду вроде самоанализа время не тратят, ведь каждая секунда — деньги, а секунда промедления дороже вдвойне. Всего за пару дверей от парнишки работал серьезный банкир. Он рушил империи еще до завтрака и с нетерпением посматривал на часы: кафе открывалось в десять. Сегодня он снова не сможет туда заглянуть, и хотя знал это, все равно следил за временем. Часы работы порождали удивительную иллюзию близости, словно знание того, где можно встретиться, давало какую-то власть над ней. Он мог все на свете. И был бессилен переучить ее говорить о кофе в среднем роде.

По телику в это время шла обычная утренняя мутовень. В Тьмутаракани все плохо, но они написали Кому Надо, он неодобрительно пошевелил бровями — и все

стало хорошо. Америка загнивала, Европа разлагалась, Восток трясло — типичное утро москвича. В деревне надоили шесть литров молока. Мы все умрем. А теперь погода.

Смуглая девушка лениво ковыряла хлопья. Вообще, она с большей охотой съела бы бутерброд, но суверен настоял на разнообразном меню, хоть и не представлял, что это такое. В его понимании перемежать хлопья бутербродами — уже разнообразие. Диетологи пришли бы в ужас, но она не жаловалась и лишь уныло пялилась в телевизор.

Суверен опять врубил свою слащавую музыку, и все, что оставалось теперь, — ждать, пока наслушается. В этом внезапно проснувшемся фанатизме ей мерещилось что-то зловещее. Что, вероятно, совместный завтрак уже не так важен, как пара песен с утра. И это угнетало похлеще дурацких новостей.

Красавицу на другом конце города беспокоили вещи попроще. Сломанные каблуки у очередных туфель, которые покупались до конца жизни, а оказались на одну ночь. Оторванные пуговицы на блузке. Неподвластные штопке пропоротые джинсы. Слава богу, родительский бюджет позволял еженедельные шопинг-туры по бутикам, но репутация транжиры и кокетки шла к ним бесплатным приложением. Не будешь же каждой встречной консультантке объяснять, какие именно потусторонние твари пустили на мишуру твои прошлые покупки или в чьей именно пасти скончались те замечательные сапожки? Еще немного повздыхав над тяжелой судьбой гардероба, она наконец-то легла спать. Маман умилялась яркой ночной жизни дочери, а та, в свою очередь, хоть и любила подругу, но все-таки надеялась на чуть менее яркий, познавательный и смертельно опасный досуг.

Однако не только роскошные блондинки волновались тем утром за свой гардероб. На опушке забытого богами леса стояла неприметная избушка, в окно которой наглым котенком просилось солнце. В комнате хозяйна словно взорвалась швейная фабрика. Пол, кровать, полки — все поверхности были буквально усыпаны его «неудачами» — неподошедшими предметами одежды. Жилеты и шейные платки, брюки и ремни ровным слоем покрывали пол, но главенствовали в композиции рубашки всех цветов и фасонов. Одна из них, очередная жертва высоких стандартов, сейчас придиричиво изучалась в зеркале.

Фисташковая. Раньше он бы не раздумывая выбрал именно ее, ведь она так шла к его карамельным глазам и осенним волосам. Но сегодня он не был ни в чем уверен, а в голове стучало знаменитое «У вас не будет второго шанса произвести первое впечатление». Насколько такой цвет уместен? Не вышел ли из моды? Какой эффект произведет гармоничный образ? Быть может, подростки больше любят бунтарство и яркие цвета?

Белая? Слишком банально. Ни рыба ни мясо. Ничего примечательного, а это худшее, когда хочешь запомниться.

Кремовая? Она его немного молодила. Не создаст ли это иллюзию близости их возраста? Не помешает ли расставить акцент «взрослый-ребенок»?

Черная? Право, нет. Он не герой готического романа, и уж тем более не наемный убийца.

Варианты с узорами также были отвергнуты: все они рушили с таким трудом подобранную композицию костюма, отвлекая от изначальной идеи подчеркнуть солидную, но мягкую аристократичность.

Хорошо, фисташковая — правильный выбор. Но к такой рубашке категорически не подходит мятный жилет.

Штурм гардероба продолжился, а вредные солнечные лучи понеслись дальше.

Правда, некоторые места даже они старательно обигнали стороной. Мы бы тоже обошли их своим вниманием, если бы не правила хорошего тона. Давайте не будем особо приглядываться, но запомним, что место это не лучшее. Это Лес.

Бывают нормальные леса. В них нашли себе место разной степени приятности растения и живность, и в целом ничего зловещего они не несут. Но этот Лес не из таких. В нем нет ветра и не светит солнце. Тьма беззвездной ночи прячется среди ветвей неестественно изломанных деревьев. Ночь с вниманием хищника следит за задорным, аппетитным солнечным лучиком, так маняще пляшущим за ее пределами. Она не может податься вперед. Пока не может. Но так было не всегда, и она ждет.

Ждал и стоявший на обочине федеральной трассы мотоциклист. Ждал и потихоньку закипал. Все происходящее слишком смахивало на дешевый развод сослуживцев, и он чувствовал себя последним идиотом, что повелся. Еще большим идиотом он чувствовал себя потому, что уже который час не уезжал и смиренно надеялся на чудо.

Не первый год он гонялся за тайной организацией, в существование которой никто из коллег не верил. Это больше походило на хобби, поскольку в рабочее время он практически всегда сидел в штабе или разбирался в очередной пьяной драке оборотней. Три года такого «хобби» привели к нескольким нагоням, выговору с занесением в личное дело и всего одному задержанному. Который, к слову, оказался совершенно бесполезным,

поскольку еще при задержании перестал шевелиться и так и не шелохнулся за все полтора года. Конечно же, эта одержимость в совокупности с чередой неудач породили лишь кучу насмешек от коллег. Все сокурсники уже подросли в званиях, и только он куковал все там же, в младших богатырях, все свободное время носясь по городу и проверяя каждый слух.

И тут внезапно кто-то пишет красной помадой на его зеркале дату, время, пару координат и бережно обводит сердечком старую газетную заметку о пропавшем отце. И никаких следов взлома. Помаду он исследовал вдоль и поперек — ну да, приятно, что для него не пожалели шанелевскую классику, да толку? Пожалуй, лишь цена помады и навела на мысль, что это не шутка. Цена, ну и полная профнепригодность коллег: что-что, а аккуратно проникнуть к нему в дом они бы точно не сумели. На безопасности у параноидального Дмитрия был пунктик.

Но семь утра сменилось на восемь, восемь — на девять, машины размеренно проезжали мимо, парень кормил комаров, и ничего не происходило. Он принял волевое решение подождать дополнительные полчаса и уезжать. Потом принял такое же решение еще два раза.

Из меланхолии его вывел адский визг тормозов эффектно задрифтовавшего на соседней дороге «роллсройса». Машина встала поперек, перекрыв движение. Распахнулся багажник. Из него, прихватив небольшой рюкзак, выбралась девочка с двумя огромными, толстенными косами и припустила к мотоциклу, с трудом перелезая через двойное ограждение между трассами. «Роллсройс» уезжать не спешил. Издалека раздался мощный рев мотора, и на полосу буквально вылетел еще один мотоциклист. Женщина. Вся в черном. Девочка побежала быстрее, но все еще слишком медленно. Ноги, что ли, затекли в багажнике? Решив, что уж это-то точно его

клиент, Дмитрий поспешно застегнул шлем и сдал назад. Даже пытаться не стал натянуть на такую прическу защиту, просто быстро усадил девочку, парой жестов показал, как держаться, и втопил газ. «Роллс-ройс» и черная мотоциклистка остались далеко позади. Дмитрий не имел ни малейшего понятия, кого и от чего он увозит, но знал самое важное: во-первых, куда. А во-вторых, что он получит взамен.

Знать ответы на эти вопросы хотел бы и слесарь из небольшого городка, вот только отвечать никто не спешил. Худо-бедно разменявший пятый десяток мужчина верил, что у него были все шансы стать достойным членом общества, но в какой-то момент он явно свернул не туда. Поворотов, конечно, было много, что уж спорить, но ретроспектива жизни под виски всегда вызывала стойкое ощущение, что вся трасса в целом вела под откос.

В детстве было гораздо проще. К примеру, открыл утром глаза, в окне голубое небо — и день по умолчанию становился хорошим. Взрослым гораздо сложнее. Открыл утром глаза — вообще ничего не видно. Очнись ты там же, где засыпал — в гараже, под очередным краденым «меринном», — вопросов бы не было. Но ты явно сидишь, да еще и с мешком на голове. Руки-ноги пристегнуты к стулу, попытку незаметно проверить, крепко ли, проваливаешь; мешок тут же снимают, и бодрый мужской голос радостно интересуется:

— Итак, Игорь Октябрьевич, почему вы решили работать именно у нас?

Жмурясь от яркого света, пытаешься разглядеть пухлого усача с типичной располагающей улыбкой эйчара и смутно понимаешь, что тебя явно не через «Авито» нашли. Добро пожаловать на худшее собеседование в жизни.

ГЛАВА 1

ПРОАКТИВНЫЙ РЕКРУТИНГ

— ...Опыт ухода от слежки спецслужб более десяти лет, уверенное использование холодного и огнестрельного оружия в рамках компетенции, знание мертвых языков на уровне допроса, устойчивость к основным магическим ядам как плюс, наличие прав на убийство дракона... Это точно учитель?

— Поверьте моему стажу, эти навыки чрезвычайно полезны для работы в одиннадцатых классах.

— А почему на фотографии штамп «В розыске»?

Из обсуждения кандидатуры соискателя на еженедельной планерке в интернате АСИМ¹

Лысеющий толстяк с роскошными усами продолжал крайне добродушно улыбаться обмотанному цепями Игорю, но в сочетании с ледяным взглядом это несколько обескураживало. Лицо мужчины казалось смутно знакомым, однако сфокусироваться не получалось: усач сидел за столом прямо напротив, и лампа, стоявшая от него по правую руку, нещадно била в глаза.

¹ ГАОУ ВПО СУНЦ АСИМ — Государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования специализированный учебно-научный центр *Abeunt studia in mores*.

Все с тем же радостным нетерпением он переспросил:

— Ну, Игорь Октябрьевич, чего же мы ждем?

— Лично я жду, когда бредить перестану.

Похищенный слесарь сощурился и как бы невзначай перевел взгляд на скрещенные на столе руки собеседника: ногти короткие, округлой формы, черные. Плохой знак.

Толстяк притворно вздохнул:

— Не прибедняйтесь. У столь многообещающего молодого человека светлое будущее, и мы надеемся, что вы свяжете его с нашей компанией.

Молодой человек сорока трех годиков не сразу понял, что речь о нем.

— Вы меня простите, конечно, но вы вообще кто? — Игорь и сам поражался, каким вежливым может стать, если приковать его наручниками к стулу.

— Ох, что же я, в самом-то деле? Тимофей Иванович Котов-Шмулинсон, завуч по учебно-воспитательной работе в интернате АСИМ.

«Хана мне», — подытожил Игорь. Худшие догадки подтвердились. С ним общался самый настоящий людоед, пусть и в многовековой завязке, а подобное времяпрепровождение лично у Игоря никогда не ассоциировалось со светлым будущим.

Тимофей Иванович пошевелил усами и продолжил, не снижая градуса радости и лучезарности, словно общаясь со смертельно больным:

— Может быть, чаю? Или вы предпочитаете кофе?

— В такой ситуации я предпочел бы виски, — с мрачной уверенностью отчеканил Игорь.

— Ох, ну что же вы! У нас не пьют в принципе, — всплеснул руками завуч.

— Частично это объясняет, почему для собеседования приходится похищать людей...

Тем временем мозг пленника лихорадочно пытался осознать происходящее. В детстве вместе с бесценными рекомендациями носить зимой шапку, доедать суп и не дразнить сестру он получил от родителей еще одну — никогда не связываться с людоедами. Ежедневно варясь в мире нечисти, они четко понимали, какую мудрость передать сыночку. Но откуда в России взяться нечисти, спросите вы? Что ж, попробуем разобраться.

Любые попытки подробно описать мироустройство рано или поздно приводят к тому, что взгляд слушателя стекленеет, а кивает он не столько твоим словам, сколько некой песенке в своей голове. Поэтому давайте попробуем взглянуть на ситуацию под менее научным углом: забудьте «пузырьки шампанского», теорию струн и мультиверсум. Представьте ванну.

Ладно, чугунная ванна — это не очень-то впечатляющее зрелище, но добавим немного горячей воды, пену, часик свободного времени — и вуаля, картинка становится гораздо приятней. И вот теперь, когда мы расслабились, физика нанесет свой коварный удар.

Возьмем пузырек пены побольше. Вода, на поверхности которой он расположен, — это магия мироздания. Спокойная, теплая, глубокая. Пузырь — наш мир. Он определенно связан с магией, но друг в друга они не проникают. Мир-пузырик держится на хрупком балансе своих стенок, то есть физических законов, порожденных в том числе и магией-водой. А мы, если захотим, сможем просунуть в него палец со стороны воды: граница двух сред вполне проходима.

Сопоставив воду с магическим миром, пузырь — с нашей реальностью, а магических существ — с пальцем, мы получим примерное представление о том, что откуда взялось и почему так получается.

